

Сергей Аксаков

Наташа

Часть сборника
Детские годы Багрова-внука
(сборник)

Сергей Аксаков

Наташа

«Public Domain»

1858

Аксаков С. Т.

Наташа / С. Т. Аксаков — «Public Domain», 1858

«В первых годах первого десятилетия текущего, богатого великими событиями, девятнадцатого века, стало быть, с лишком за пятьдесят лет, в одной отдаленной от столиц полустепной и полулесной губернии, соседственной с настоящими коренными нашими лесными губерниями, Пермскою и Вятскою, в совершенном захолустье, жило богатое и многочисленное дворянское семейство Болдухиных в пятисотдушном селе Вознесенском, Болдухино тож; жило в полном смысле по-деревенски...»

© Аксаков С. Т., 1858

© Public Domain, 1858

Сергей Тимофеевич Аксаков

Наташа

(Очерк помещичьего быта)

В первых годах первого десятилетия текущего, богатого великими событиями, девятнадцатого века, стало быть, с лишком за пятьдесят лет, в одной отдаленной от столиц полустепной и полулесной губернии, соседственной с настоящими коренными нашими лесными губерниями, Пермскою и Вятскою, в совершенном захолустьи, жило богатое и многочисленное дворянское семейство Болдухиных в пятисотдушном селе Вознесенском, Болдухино тож; жило в полном смысле по-деревенски. Старики, не получившие никакого образования, разбогатевшие недавно и совершенно неожиданно, не привыкли еще пользоваться и распоряжаться как следует всеми средствами настоящего своего богатого состояния. В иных случаях тратились они без надобности и бросали деньги, как говорится, на ветер, так что добрые люди посмеивались и думали про себя, а некоторые, может быть, и говорили: «Дешево деньги достались; цены и счету им не знают». В иных случаях же, именно в таких, в которых не надо жалеть денег, Болдухины были скуповаты, и вот те же добрые люди говорили про себя, а некоторые, может быть, и вслух, что: *не рука крестьянину калач есть* и что не смыслят Болдухины, где денежку надо прибегречь и где бросить. Впрочем, следуя духу времени, начинавшему пробиваться до границ таких губерний, где зимой частехонько замерзает ртуть, Болдухины желали доставить *воспитание* своим детям и для того не жалели денег. Разумеется, успех (понимая его в нашем смысле) не соответствовал желанию и значительной денежной трате, потому что не только трудно, но почти невозможно было затасать в такую отдаленную глушь хороших учителей и учительниц; учительницы, или мадамы, как их тогда называли, были необходимее учителей, потому что в семействе Болдухиных находилось пять дочерей и четверо сыновей; но все братья были дети, были почти погодки и моложе своих сестер. Старшей из них, Наташе, совершенной красавице, тогда было четырнадцать лет. Итак, родители ограничились тем, что выписали через какого-то корреспондента, печатно уверявшего в газетах о своей честности, какую-то мадам де Фуасье и какого-то мусье, старого капитана австрийской службы Морица Иваныча Шевалье де Глейхенфельда, и поручили им учить детей всем наукам и искусствам. Старая француженка мадам де Фуасье, не знавшая никаких языков, кроме французского, умела только ворожить на картах и страстно любить свою огромную болонку Азора, у которого были какие-то странные черные, точно человечьи, глаза, так что горничные девки боялись смотреть на Азорку. Шевалье де Глейхенфельд, нидерландский уроженец, «Морс Иваныч», как его звала в доме прислуга, знал основательно два языка – французский и немецкий, неосновательно – латинский, да четвертый еще – составленный им самим из всеевропейских языков и преимущественно из польского и других славянских наречий, потому что капитан долго служил в австрийской армии и много таскался поавстрийским славянским владениям. Вот образчик его речей на этом составном языке. Хотел ли он назвать кого-нибудь глупым, он говорил: «Он има на свой глува шанки, ирбата и слома», то есть он имеет в своей голове сено, траву и солому. Разговоры называл говрианье, сказки – кишкерес, вора – двур, девушку – кобитка и пр. Сверх того он был большой проказник, иногда называл барыню – баранина, притворяясь, что не умеет различать этих слов. Так, например, один раз при гостях за обедом, будучи недоволен, что мало осталось жаркого на блюде, он с досадой отказался от него. Г-жа Болдухина, заметив это, в простоте души обратилась к нему с вопросом: «Отчего, Мориц Иваныч, вы не взяли жареного?..» – «Оттого, моя сударыня баранина, – отвечал капитан, – что ту нема кусок на мой густо». Г-жа Болдухина покраснела до ушей с досады, гости расхохотались, у лакеев искривились лица от сдержанного смеха, а Морс Иваныч, с видом невинности начал допрашивать: не сказал ли он чего-нибудь

смешного? Кавалер де Глейхенфельд тоже ворожил, но по звездам, и составлял гороскопы, влезая для наблюдения по ночам на колокольню. Странно, что, на смех здравому смыслу, некоторые из его гороскопов впоследствии оказывались поразительно верны. Разумеется, его считали колдуном и даже побаивались. Он очень любил одного из сыновей Болдухиных, смуглого лицом мальчика, и называл его: «Черный попа». Перед Наташей он благоговел.

Сначала ученье шло, казалось, хорошо; но года через два старики стали догадываться, что такие учителя недостаточны для окончательного воспитания, да и соседи корили, что стыдно, при их состоянии, не доставить детям столичного образования. Болдухины думали, думали и решились для окончательного воспитания старших детей переехать на год в Москву, где и прежде бывали не один раз, только на короткое время. Впрочем, была и другая побудительная причина к отъезду в древнюю столицу.

С половины лета начались сборы; старики не умели понять, что в Москве нужно только побольше денег и как можно меньше народу. Они нагрузились всякою всячиною, набрали кучу ненужных вещей, запасов и людей; разумеется, за все это они дорого поплатились.

В последних числах сентября, еще в хорошую, или, по крайней мере, сносную, осеннюю погоду, довольно рано поутру выехали из села Болдухина две кареты, две коляски, несколько кибиток и телег, навьюченных донельзя. Весь этот обозище отправлялся на своих доморощенных господских лошадях, числом не более, не менее на тридцати семи конях. Не успели отъехать и пятнадцати верст, как семилетний мальчик Петруша, старший из сыновей Болдухиных, фаворит и баловень Варвары Михайловны (так звали г-жу Болдухину), которого повезли уже нездоровым, в надежде, что дорогой будет ему лучше, – так разнемогся или, по крайней мере, так расплакался (ехать в Москву ему не хотелось), что испуганные родители решились воротиться домой.

В селе Болдухине общее удовольствие по случаю отъезда господ в Москву на долгое время находилось в самом разгаре. Многочисленная дворня, проводя до околицы своих помещиков со многими вздохами и слезами, толпою возвращалась домой, рассуждая между собой, зачем уехали бары в Москву. «Видно, денег некуда девать, – говорил, хрипя от одышки, старый ключник Иван Маркыч, – ну, чего не видали в Москве? Ну, где им найти житья лучше, как в Болдухине?» – «Это все она, – подхватила молодая смазливая прачка, сосланная недавно за что-то из горничных в людскую стирать белье. – Барин бы век не выехал из деревни; это все ей, барыне, не сидится дома, она же и дочку подбила». – «Ну, где тебе, глупой бабе, это разуместь, – возражал старый буфетчик, купленный лет за десять Болдухиными. – Можно ли приравнять московскую жизнь к вашей? Здесь глушь, Азия, татары, черемисы да вотяки. Кого здесь увидишь? А там, на Москве у нас, церковей божиих не сочтешь; енералов и всяких важных господ видимо-невидимо, а к тому же и деток надобно обучать...» В таких-то приятных и поучительных разговорах дошла дворня до своих изб, клетей и амбарушек и, разбившись на кружки, принялась пировать на свободе. Хотя помещики были люди не строгие, а добрые и даже слабые, но все как будто гора у всех свалилась с плеч и всякий строил в голове планы, как бы сначала повеселиться, а потом повыгоднее проводить свое досужее время.

Вдруг какой-то зоркий мальчишка заметил показавшиеся на горе, высокие экипажи; их сейчас узнали, и тревожная весть: «Господа воротились» – как молния пронеслась по всем людским, избам, ткацким, столярным, прачечным, – и везде сделалась большая суматоха. Кто мог, побежал навстречу, а кто не мог – те попрятались, наказав отвечать господам, если спросят: что приказчик уехал, дескать, по хозяйственным господским надобностям в соседнюю деревню, что ключник угорел в бане, старый буфетчик отлучился поохотиться с острогою за рыбою верст за шесть, и пр. и пр.

Но все опасения были напрасны и все предосторожности не нужны. Хозяева воротились в таком смущении, что не обратили ни на кого ни малейшего внимания. Смущение происходило оттого, что старик Болдухин (в самом деле, неохотно ехавший в Москву) сказал наотрез своей

супруге и дочери при решении воротиться домой, что по выздоровлении Петруши, хотя бы оно и через неделю последовало, поздно будет пускаться в такой дальний путь; что в октябре уже не езда на своих по проселочным дорогам и что ехать надо будетуже по зиме. Из этого вышел горячий и неприятный спор, и все воротились очень невеселы, особенно мать и старшая дочь Наташа, шестнадцатилетняя необыкновенная красавица. И матери, и дочери, по каким-то неведомым, инстинктивным причинам, очень хотелось в Москву, и, войдя в дом, прошли они прямо в спальню г-жи Болдухиной и принялись обе плакать.

Экипажи оставили у лакейского подъезда и у девичьего крыльца; лошадей приказано было отложить, а лакеям и горничным выбирать из карет и повозоктолько необходимое для ночлега, из чего можно заключить, что барыня надеялась на скорое выздоровление Петруши. Кучер Трофим, выпрягая коренных из четвероместной кареты, крепко сердился на форейтора Сидорку: «Счастливы, собачий сын, что воротились, – говорил он хриплым басом. – Я бы на первой кормежке нагрел те спину. Вишь, как упарил подседельную! Разве я те не кричал: держи, не давай натягивать постромок?» – «Да кто ее, дядюшка, сдержит? – раздавался пискливый и плаксивый голос форейтора. – Ведь ты сам знаешь, какова она в голове-то крепка: все руки вытянула...» – «Я те вытяну. Ну, ну, ну, води лошадей-то твоих», – ворчал Трофим (человек не злой, но любивший припугнуть форейтора Сидорку), уводя в конюшню четверку вспаренных коней. Лакеи и горничные принялись выбирать; кое-кто из остававшихся дворовых прибежали помогать им, и со всех сторон посыпались шуточки и прибаутки по случаю неудачной поездки и скорого возвращения: «Ну что, хорошо ли в Москве? Чай, всего нагладелись!» – говорили одни, оставшиеся в деревне. «Мы-то ничего, – говорили воротившиеся, – а вот вам-то каково! И погулять не успели. Да где у вас остальные-то? Али с радости угорели?» – «Ну, нишкни, что орешь! Вон барин на крыльце...» Барин, в самом деле, вышел на крыльцо для каких-то приказаний... В самую эту минуту раздался колокольчик, и телега парой, шибко приближаясь и звеня, въехала на двор; проворно соскочил с нее никому не известный, одетый как барин, какой-то молодой малый, спросил, дома ли господа и где они, и когда указали ему, что господин стоит на крыльце, приезжий подошел к барину, снял дорожный картуз, поклонился, подал письмо и сказал: «Флегонт Афанасьич, Мавра Васильевна и Афанасий Флегонтович Солобуевы приказали кланяться, спросить о здоровье и доложить, что они приехали и остановились в Вырыпаевке». Хозяин очень смутился, спросил, однако, о здоровье Солобуевых и, взяв письмо, торопливо ушел в дом. Входя в спальню с письмом в руке, Болдухин сказал торжественно: «Ну вот, матушка, хорошо, что воротились: ведь Солобуевы приехали. Ведь было бы стыдно, если б не застали нас. Ведь я говорил, что приедут». Мать и дочь обе вскрикнули и вскочили, подумав, что Солобуевы у крыльца, и сейчас вспомя, что они одеты по-дорожному; но Василий Петрович (так называли старика Болдухина) поспешил их успокоить, сказав, что гости ночуют за двенадцать верст и прислали передового с письмом. Поспешно прочли письмо, содержащее в себе только извещение о завтрашнем приезде (написанное конторским слогом и почерком). Разумеется, приезд последовал вследствие приглашения самих Болдухиных, сделанного еще прошлого года, которое считали несбыточным и о котором почти забыли. Хозяева не вдруг опомнились от такого, уже вовсе неожиданного и позднего посещения, которое застало их совершенно врасплох, совершенно не в пору, но делать было нечего. Сообразя несколько свое положение, Болдухины прежде всего призвали к себе в залу нарочного, присланного с письмом, расспросили его самым ласковым образом о здоровье его господ и о том, благополучно ли они совершили такую дальнюю, трудную дорогу. Сказали, между прочим, как они рады таким дорогим и почтенным гостям, госпожа же Болдухина между ласковыми речами вклеила и вопрос: отчего Флегонт Афанасьич, Мавра Васильевна и Афанасий Флегонтович не прибыли летом, а пустились в путь уже в позднюю осень? Бойкий и хвастливый лакей, камердинер молодого Солобуева, сейчас смекнул, с кем имеет дело, закидал словами наших деревенских стариков и умел напустить им такой пыли в глаза рассказами о разных привычках

и привередах своих богатых господ, что Болдухины перетрусилась и не знали, как принять, где поместить и как угостить хотя не знатных, но страшным богатством избалованных и изнеженных посетителей; на вопрос же Варвары Михайловны, отчего так поздно приехали Солобуевы, камердинер отвечал: «Все изволили собираться и до последнего дня не решались, ехать или нет-с. Ведь Флегонту Афанасьичу отлучиться не то, что другому-с; в ихних делах может сделаться в одну неделю упущение на миллион или более-с (лакей не пугался цифры); кроме же того, они привыкли везде жить, как живут у себя дома; все с собой забрали-с, и людей себе приятных, и мухобилей, к которым привыкли. Мы едем-с в трех каретах, двух колясках и в двадцати повозках; всего двадцать пять экипажей-с; господ и служителей находится двадцать две персоны; до сотни берем лошадей. Флегонт Афанасьич очень знают-с, что в доме поместиться им с семейством невозможно: и вам и им-с будет беспокойно, а потому приказали просить, если нет особого флигеля для их помещения, очистить десятка два-с крестьянских изб. Хозяева останутся довольны-с». – Покуда объяснялись и ласково беседовали с камердинером, успели приготовить для него кое-что поесть, потому что в этот день ни для господ в кухне, ни для людей в застольной ничего не готовили: остававшуюся в Болдухине дворню всю спустили на мясину. Потом напоили приезжего господина чаем с ромом, и потом сам Болдухин пошел с ним осматривать флигель, никем кроме приезжих гостей не занимаемый, а также и людские избы. По счастью, камердинер благосклонно объявил, что флигель очень достаточен для временного помещения его господ и что если очистить несколько людских изб, то и служители поместиться в них могут. Старик Болдухин очень был доволен таким отзывом. Камердинер просил немедленно его отправить. Привезшая его вырыпаевская пара, нанятая с оборотом, вместе с подводчиком была накормлена и напоена: лошадки – водой, а подводчик – вином. Болдухины написали самое ласковое письмо к Солобуевым, просили камердинера на словах передать их радость дорогим гостям, буфетчик поднес ему третью рюмку сладкой водки, – и опять зазвенел колокольчик, застучала телега, подняв за собою пыль вдоль длинной болдухинской улицы, и уехал бойкий камердинер. Боже мой! Какая суматоха, какая кутерьма поднялась в целом доме! Надо было не только выбраться из дорожных экипажей, разложиться по местам, привести и кухню и буфет в прежний порядок, – надо было все устроить для помещения, для угощения приезжих гостей, богачей, миллионщиков, у которых и прислуга одевается и живет по-господски! Дым пошел коромыслом... Но не пора ли мне воротиться назад и рассказать, что это за Солобуевы, как они познакомились с Болдухиными и что значит их посещение? В Оренбургской губернии находятся серные источники, получившие впоследствии всем известное имя «Сергиевских серных вод». Тогда это было дикое место на нагорной стороне степной реки Большой Сургут. Серные ключи били из подошвы небольшой горы и ручьями текли в огромный четвероугольный, крепко срубленный из толстых дубовых бревен бассейн, построенный необычайно прочно и почти до краев наполненный осевшею серою. Старожилы говорили, да и местность это подтверждала, что тут был некогда серный завод, уничтоженный будто бы в последние годы царствования императрицы Елизаветы. Лично мне рассказывали, что когда расчищали серные ключи, то находили дубовые клинья, чурбаки и доски, обернутые в войлок, которыми были крепко заколочены главные источники, отчего вода, прегражденная в своем истоке, просачивалась вокруг множеством маленьких родников. Очевидно, что завод был уничтожен за мнимым, то есть искусственным, уменьшением серных ключей. Кому это было нужно, – не знаю. Из бассейна бежала речка и впадала в Сургут. По отлогим скатам, в ущельях которых, избитых шахтами, росли разные породы чернолесья, в живописном беспорядке были разбросаны калмыцкие кибитки, палатки, плетневые шалаши и кое-где избушки, перевезенные из ближайших чувашских деревень. Помещики, даже из дальних мест, начинали уже каждое лето съезжаться на воды. Никаких докторов и полицейских чиновников там еще не было, а был некто Петр Андреич Глазов, оренбургский помещик и железный заводчик, открывший эти целебные источники по народной молве, потому что обыватели упраздненного

города Сергиевска и окрестные жители, по большей части некрещенные чуваша, не переставали лечиться и вылечиваться от всех болезней питьем прозрачной, холодной, как лед, серной воды и купаньем в ее бассейне. Помещик Глазов, чудесно излеченный ими от долговременной болезни, стал посещать ежегодно целебные источники и сделался ревностным распространителем их славы, приглашая туда словесно всех знакомых и, через письма, даже незнакомых ему людей, доказывая им пользу лечения собственным примером. Он сделался каким-то хозяином, полицейским чиновником и доктором при Серных Водах: всякий новоприезжий являлся к Петру Андреичу, спрашивал, где ему разбить свой табор, рассказывал про свою болезнь и просил наставления, как употреблять воду. Петр Андреич отводил места, назначал употребление целебной воды, даже указывал, где брать дрова и откуда получать съестные припасы; все с уважением и благодарностью в точности исполняли его благодетельные советы.

Болдухины имели на Серных Водах самую лучшую избу, которую называли дворцом, потому что Варвара Михайловна, женщина тучная, но болезненная, несмотря на отдаленность (надо было проехать с лишком триста верст), уже несколько лет приезжала туда с мужем и старшими детьми лечиться целебными ключами. В прошедшем году Болдухины жили лето на Серных Водах. Кочевой быт скоро знакомит и сближает людей, а потому и Болдухины были знакомы со всеми.

В один знойный летний день, когда душно было сидеть и в избе, и в палатке, и в калмыцкой кибитке, несмотря на то, что боковые кошмы были подняты и воздух свободно проходил сквозь решетчатые стенки войлочного шатра, семейство Болдухиных сидело с несколькими посетителями в тени своей избы и, не смущаясь жаром, готовилось пить чай, тогда еще не запрещенный докторами, потому что их не было. Вдруг видят они проезжающие мимо крестьянские роспуски, на которых, на груде подушек, покрытых богатым ковром, высоко сидел большого роста, никому не знакомый, очень тучный старик. Вид его поразил всех; на голове его была надета черная пуховая шляпа с широкими полями; длинные седые волосы лежали по плечам; крупные черты лица были выразительны; одет он был в темный сюртук; в руках держал камышовую трость с золотым набалдашником. Старик проехал очень близко, снял шляпу, поклонился и, тихо удаляясь на своих роспусках, с напряженным вниманием долго смотрел на изумленных Болдухиных. Не успели они переговорить с своими гостями о странном появлении неизвестного старика, как он в другой раз проехал мимо, уже с противоположной стороны, так же поклонился и так же внимательно смотрел на всех. Некоторые начали посмеиваться над загадочным незнакомцем и вторичным его поклоном; хотели было послать разведать, кто этот чужак и откуда?... как вдруг в третий раз показались те же роспуски, с тем же высоким седоком, только уже не проехали мимо, а, поравнявшись, остановились; кучер слез с передков и, сняв шляпу, подошел прямо к старику Болдухину, поклонился и почтительно доложил, что господин его, Флегонт Афанасьич Солобуев, свидетельствует свое почтение и, желая познакомиться, просит позволения прийти к хозяевам и разделить беседу. Разумеется, Болдухины приказали покорнейше просить. Подходивший кучер был одет, как богатый купец, и сам по себе представлял великолепную тучную фигуру, украшенную чудесной русой бородой. Один из гостей вспомнил, что слышал вчера о приезде на воды издалека каких-то богачей, заводчиков Солобуевых. Незнакомый старик не замедлил явиться. С большою важностью и в то же время вежливостью и старинными поклонами он отрекомендовался всему обществу и каждому порознь; подходил даже к Наташе, спросил об ее имени и просил полюбить старика. Новый гость уселся с другими около стола, на котором уже кипел самовар, и пустился говорить без умолку. Он попросил позволения закурить трубку, и великолепный кучер подал ему богатую пенковую трубку с витым чубуком и огромный кисет табаку, который более походил на мешок или кулек; гость закурил и, попивая чай и куря без перемержки, в короткое время рассказал всю свою историю, со всеми даже подробностями. Это был велеречивый говорун; его речь лилась, как плавный поток, имела в себе что-то книжное и высокопарное и в то же время что-то доб-

родушное и достолюбезное. В непродолжительном времени общество узнало, что он старинный дворянин, владелец нескольких чугуноплавильных и железоделательных заводов и помещик многих деревень; что он уже тридцать восемь лет женат на Мавре Васильевне, урожденной Савиновой, что бог благословил его брак тремя дочерьми и одним сыном, которому уже двадцать пять лет, что дочери его выданы замуж и что он приехал лечиться на Серные Воды от одышки (которой никто у него не замечал). Хотя старик не поминал о деньгах, но все как-то почувствовали, убедились, что у него в сундуке лежат миллионы. Потом следовали бесконечные рассказы старика о достоинствах его жены и сына, о превосходном состоянии его заводов и пр. и пр. Сначала все слушали со вниманием и любопытством; даже Наташа опускала из рук свою работу и устремляла на старика свои прекрасные глаза. Старик это замечал и нередко обращал прямо к ней свою речь с каким-то особенным выражением, отчего Наташа смущалась и, скромно потупляя глаза, поспешно принималась за работу. Наконец, гостютомил и заговорил всех; вероятно, он это заметил, встал, раскланялся со всеми с великою учтивостью, с Наташей особенно, и, выпросив позволение привести свою старуху и представить сына, ушел.

Болдухины поговорили сначала о новом знакомом и хотя хвалили доброго старика, однако находили, что он подчас и скучноват, потому что слишком любит распространяться о своих заводах, о заводских делах, о своем сынке, так что другим приходится молчать и слушать; поговорили и забыли про своего велеречивого гостя. Через неделю, возвращаясь с серных источников, где Варвара Михайловна пила холодную, прозрачную, как хрусталь, воду прямо из родника и для компании заставляла пить Наташу, цветущую свежестью и здоровьем, вздумали Болдухины для большего телодвижения пройти другою, окольную дорогой. Вдруг из одной новой избы, мимо которой шла дорога, прежде никем не занятой, выбежал лакей с покорнейшею просьбою от Флегонта Афанасьича и Мавры Васильевны Солобуевых, чтоб Болдухины удостоили их своим посещением. Отказаться показалось неловко, да и было совестно, что Василий Петрович забыл отдать визит старику Солобуеву, а потому, хотя и неохотно, Болдухины решились зайти к новым посетителям вод, а Наташу отпустили домой с гувернанткой. Только что Болдухины начали рекомендоваться с хозяйкой, как Флегонт Афанасьич хватился Наташи: он видел, что она шла вместе с отцом и матерью. Старик принялся так усердно просить и кланяться вместе с женой, чтоб воротили Наташу, хотел сам идти за нею, что Болдухины не могли отказать горячим просьбам хозяев и послали своего лакея сказать гувернантке, чтоб она с барышней воротилась. Наташа пришла; щеки ее от ходьбы разгорелись, и она была поистине чудно хороша. Солобуевы не знали, как приласкаться, как чествовать и где посадить своих гостей. Явился сын, молодой человек небольшого роста, бледный, худой, с каким-то стариковским выражением в чертах лица, впрочем весьма приятного, с какой-то лихорадочной живостью в глазах и быстротой в движениях. Он говорил принужденно и скоро, на Наташу почти не взглянул, и Наташа его даже не заметила; ею занимался с увлечением старик Солобуев: говорил почтительные похвалы и любезности, потчевал конфетами, мороженым, фруктами, которых надо было доставать за сто верст, – и добродушная Наташа, видя к себе такое внимание и любовь от старика, сердечно его полюбила. Несколько раз Болдухины собирались домой, но Солобуевы так усердно кланялись, так усердно просили «посидеть еще немножко», что Варвара Михайловна хотя внутренне сердилась, но отказать таким просьбам не имела духа. Надобно признаться, что во всех этих учтивостях и ласках, угождениях и угощениях слышалось что-то купеческое и тягостное. Наконец, Болдухины решительно распрощались и ушли; старик Солобуев с сыном провожали дорогих гостей до половины дороги, и едва упросили их Болдухины, чтоб они воротились домой. Василью Петровичу и особенно Варваре Михайловне не понравились ни старуха, ни сынок: Мавра Васильевна показалась им безответной купчихой, а Афанасий Флегонтович – хворым и невнимательным вертопрахом; о старике Солобуеве они отзывались благосклоннее, а Наташа хвалила его от всей души, как умела, и сказала, что она полюбила его, как родного. Дня через два старики Солобуевы приезжали к Болдухиным

шестерней в карете, а сын их, в одно время с ними, – четверкой в коляске, но хозяев не застали дома. Такой парад был очень смешон, и все водное население смотрело на него, как на забавное чудачество: на водах все попросту ходили друг к другу пешком или ездили на домашних дрожках и долгушах. Старика Солобуева, с распущенными белыми волосами по плечам, прозвали на смех водяным старцем, и одна только Наташа огорчалась этой шуткой, очень горячо защищала и хвалила доброго старика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.